

ОГЛАВЛЕНИЕ

Наследие колдуна	5
Память сердца	36
Навий венок.....	81
Знахарка.....	121
Бесово семя.....	179
На круги своя.....	245
Домой	299
Посыпать голову пеплом.....	367

НАСЛЕДИЕ КОЛДУНА

Давным-давно, в былые времена на краю дремучего леса стояла безымянная деревенька на семь дворов. В каждой избе жили мать с отцом, бабка с дедкой да без счёту ребятни, в каждом дворе стоял конь с кобылой и жеребятами, корова с нетелью да телком. А коз и поросят да уток с курами никто не считал.

В одной семье каждый год жена приносила нового ребёнка, и каждый год семья его хоронила. И мальчиков, и девочек забирала у неё лихоманка. Выжила только одна, старшая. Родители не чаяли души в доброй смышлёной девочке.

С раннего детства Милада любила бродить по лесу. Видела, как ломал ветер хрупкие стебельки весенних цветов, не успевших раскрыть солнцу бутончики-личики, как жёг мороз нежные лепестки. Жалела их, как и своих младших братьев и сестричек, которые угасли в младенчестве. Она горевала по ним пуще отца с матерью.

Когда ей было десять, один за другим преставились дед с бабкой. А ещё через год медведь задрал отца. Поехал он в лес за дровами, да только вместо дров привезли его самого, мёртвого да переломанного. Руки-ноги, как мужики подобрали с поляны да покидали в сани, так они и смёрзлись неправильно.

Остались мать с дочкой одни-одинёшеньки. Вдова да сиротка.

Лес, умирающий осенью, возрождался каждой весной и учил Миладу воспринимать жизнь и смерть как целое. Наставлял не сильно горевать о потерях, а больше радоваться жизни, помогать её обновлению. Подсказывал, как распознать в шорохе листьев обещание урожая, а в шуршании сосновых игл — предостережение о зимних морозах и летней засухе. Скрип старых деревьев предупреждал о людских болезнях и хворях, а луговые травы нашептывали способы избавления от недугов.

Коль своих не было, Милада лечила чужих стариков и ребятишек. Юная знахарка помогала жизни, поправляла её ошибки и оплошности.

К двенадцати годам Милада усвоила, что с болезнями надо разговаривать, будто с живыми людьми. Теперь она знала, какими словами нужно попросить ночную криксу, чтобы покинула тельце младенца, умела так прикрикнуть на трясавицу, чтобы непрошенная гостья сама вышла вон из хворого человека.

Деревенские дети диковатую девчонку побаивались и не брали в свои игры, а взрослые пользовались её необычным даром, не особо задумываясь, откуда он к ней пришёл. Знахарка вправляла вывихи и грыжи, лечила угин и сухотку, заговаривала чирьи.

Вот только мамкину тоску-печаль не могла одолеть Милада. Сильно тосковала мать по отцу. Сама не своя после его смерти стала. Встанет и стоит на месте, смотрит вдаль пустыми глазами. А у самой корова не доена или тесто из квашни вылезло, по полу ползёт. Сядет мать на лавку и сидит дурищей, вроде прясть собралась, уже и лучина сгорела, а куделя целёхонька, веретено пустое.

Люди говорили, живёт где-то в дальних краях один целитель, что знает с духами, о низшем и высшем ведаёт. Предсказывать судьбы людские умеет. Любые хвори вылечить может. Только где этого целителя искать?

Бродила Милада по лугам да полянам лесным накануне Ивановя дня, собирала травы, чтобы мать лечить. Напитанные Ивановой росой травы большую силу имели. Донник, кúпырь нашла Милада да сороканедúжник с кровохлёбкой. А вот змеиную траву, нужную для полного сбора, чтоб мамке помочь, отыскать не удавалось. Солнце взошло, росу высушило — пора домой возвращаться.

Посреди деревни на большом камне у колодца сидел одетый в рубище старик. Старухи украдкой разглядывали странника из-за плетня. Особенное любопытство он вызывал у детей.

Тёмная кожа на лице в глубоких морщинах напоминала кору старой сосны. Седая борода закрывала грудь старика и спускалась до пояса. Костистые кисти рук перевили синие жилы, словно корни деревьев — землю. Он держал в руке посох, и был этот посох будто продолжением костлявой руки. Сучковатую палку венчал чей-то череп, людской или зверя какого, сходу не разобрать. Он скалил длинные желтоватые зубы и глядел тёмными провалами вместо глаз.

Но особый ужас вызывало у ребятни увечье старца: левый глаз его был похож на яйцо без скорлупы; под белой плёнкой дрожало что-то жидкое. Зато правый — пронзал взглядом, твёрдым и острым.

Никто не знал, откуда пришёл странник. Никто не знал его имени. Но старик знал всё. Знал обо всех.

Когда осмелевшая детвора подошла поближе, старик пристально смотрел одним глазом на каждого ребёнка. Смотрел не на лица, а вглубь, в самое нутро, и говорил скрипучим, как у несмазанной телеги, голосом:

— Ну что, Голуба, разродилась уже твоя матушка? Помогаешь ей братца нянькать? Правильно. Привыкай, пригодится. Через десять годков у тебя самой будет трое отпрысков.

- А ты, Баламут, почто не помог батьке кобылу подковать? Поддержал бы за уздцы, приласкал, так и не лягнула бы родителя. А так помрёт твой батька в аккурат на новую луну.
- Ты, Вторак, держись от колодезя подальше. Не ровён час свёрзнешься. Вот горе мамке твоей будет. Третьего-то она не успеет родить, скинет, как со стога упадёт. Пустая останется.

Дети дивились осведомлённости чужака, который безошибочно называл их по имени, страшились его предсказаний. Некоторых так пугал череп в наверху сучковатого посоха, что они пускались в рёв и убегали. А старик перебирал детские лица одно за другим, будто искал кого-то определённого. Наконец он заметил Миладу, которая возвращалась домой с корзиной луговых трав, да так и застыла, разглядывая незнакомца. Он поманил её длинным узловатым пальцем.

- Вот ты-то мне и нужна, девка. Со мной пойдёшь.

Старик поднялся, опираясь на посох. Милада не смутилась, глянула прямо в нацеленный на неё острый глаз и сказала:

- Это не я тебе, а ты, дедушка, мне нужен. Ты ведь и есть тот целитель, о котором люди говорят? Который всё на свете знает, обо всём ведаёт?
- Да, — ответил старец, — всё знаю, обо всём ведаю. Имя моё — Ведагор.
- Вот и пойдём, Ведагор, мамку мою лечить.
- Хорошо, девка. Вылечу твою мать. Только ведь я дорого возьму за это. Готова отдать цену, что я назову?
- А какая корысть с нас? — удивилась Милада, привыкшая лечить всю деревню задаром. — Мамка да я — вдова да сиротка. Коровёнку можем отдать, да она у нас больно тощая: сена зимой не хватило, а теперь жиру нагулять ещё не успела. Да и молока мало даёт. Стыдно такую отдавать. Ну, возьми хоть курочек... Только мамку мою обмороченную вылечи.

Наследие колдуня

- Не нужна мне ваша корова, и куры ни к чему.
- А что тебе надо, дедушка?
- Да вот тебя и уведу с собой, как только мать вылечу.
- Как это меня? — ахнула Милада. — Я что — телок? Да и того надо за верёвку привязывать, чтобы не убежал.
- Привяжу тебя покрепче той верёвки, — пробормотал Ведагор. — Ну, веди уже к мамке своей.

Целитель очертил посохом круг на земле, велел матери встать в центр. Вдова стояла в круге отрешённая, словно снулая рыба. Глядела вдаль, не мигая. Лишь слегка вздрогнула, когда старик принялся лечить её напугом: хлестать чертополохом да опрыскивать пахучими зельями. Хлестал, мял да трепал вдовье тело, а она стояла недвижно, словно льняной сноп. Только пыль да костри́ка по сторонам разлеталась.

Когда закончил с матерью, обернулся к дочке, протянул руку и провёл ладонью над её головой. Зачарованная Милада выронила травы и, перешагнув через корзинку, покорно пошла вслед за ним. Только тут и отмерла мать, скинула с себя морок и закричала:

- Стой, старик! Куда ты уводишь дитя, окаянный?
Не пуцу!

Она вырвалась из круга и бежала за ними, путаясь в онемевших ногах.

Ведагор остановился. Обернулся и тихо, но так, что слышала вся деревня, сказал:

- Возьму её в ученицы. Раскрою её истинный дар и научу им управлять...

Мать протянула руки, открыла рот, сияясь закричать, воспротивиться, но так и застыла с воздетыми к небу руками и раззявленным ртом.

Так Милада и ушла в лес, ещё не зная, что не сможет вернуться домой долгие годы. Жила у чародея в землянке,

что у гнилого болота, среди старых деревьев. Кормил старик скудно, одевал в рубище. Да и сам ходил в лохмотьях.

Единственным богатством, которым он дорожил пуще собственной жизни, были древние свитки на бересте да диковинная книга с пергаментными листами. Книгу Милада видела только однажды, да и то мельком.

Он послал её как-то на реку. А когда она вышла из-под крутого берега с плоской чистой воды, он сидел под деревом и читал эту книгу, водя длинным узловатым пальцем по рукописным буквицам и страшным картинкам. Милада затаилась, заглядывая колдуну через плечо. Увлечённый чтением, Ведагор её не почуял.

— Кто это, дедушка? — спросила Милада, показывая на поразившую её картинку. — Вроде человек, а морда у него лисья. И что он делает с голой бабой без головы? Это он откусил ей голову?

Ведагор поспешно захлопнул книгу и спрятал её в суму.

— Это пока тебе рано читать, девка.

Изредка он доставал из холщовой сумы свитки, бережно расправлял бересту и открывал Миладе значения нанесённых на ней тайных знаков. Ведагор постепенно передавал ей своё знание, учил уму-разуму.

Но разум Милада и свой имела.

— Смотри на этих зайчат на поляне, — сказал однажды старик, сидя на пеньке. — Они глупые, прыгают, резвятся, травку щиплют. Не знают ещё, что скоро придёт засуха, посушит траву, и еды на всех не хватит. Все передохнут с голоду. А мы с тобой поправим это. Лучше пусть околеет один или два, а другие останутся жить.

— А как мы это сделаем, дедушка? — личико Милады сморщилось оттого, что вдруг ей придётся убить зайчишку своими руками. — Нет! Я не буду этого делать! — закричала она и с плачем побежала в лес.

Наследие колдуна

Но убежать от колдуна было непросто. Не вставая с пенька, он протянул к ней костлявую руку, которая начала вдруг вытягиваться, расти и выросла до самого дерева, за которым спряталась Милада. Обогнув ствол, рука схватила беглянку. Корявые пальцы вцепились в косы и подтянули девочку к себе.

— Напрасно бежишь, дурочка, к-хе, к-хе, к-хе. От меня тебе не убежать, заруби себе это на носу! — прокрипел он с жутким противным смехом и, как ни в чём не бывало, продолжил урок: — Никто тебя не заставляет марать ручки об эту падаль. Они сделают это сами. Смотри!

Ведагор поводил руками, что-то неразборчиво пробормотал, сплюнул, подул — и зайчишки, до этого мирно играющие в салочки, вдруг подскочили, как ужаленные, остервенились, выставили в страшном оскале длинные зубы и, напав всей гурьбой на одного — будто кошки на мышь, — в одночасье загрызли его насмерть. Ещё и драться из-за добычи начали. Старик разогнал их палкой.

— Вот так вот, — сказал он, довольно потирая ладони. — Вот так мы будем управлять и людишками — вершить их судьбы. Неугодных — к ногтю, а угодных — до поры...

Милада не стала слушать дальше, её сердце разрывалось от ужаса только что разыгравшейся на полянке трагедии, из глаз ручьями лились слёзы жалости к несчастному зайке. Она гладила его шелковистую шкурку, пыталась приладить к тельцу отгрызенную голову.

— Пустое это, — сказал старик.

Он пошевелил посохом мёртвую тушку и сказал:

— Хватит реветь, иди похлёбку из него свари.

Колдун поднял голову зайца за уши и помазал кровью зубастую пасть черепа на навершии посоха, а потом стал и сам слизывать сочившуюся из заячьей головы кровь.

После того случая Милада поняла: Ведагор не простой целитель. Да и целитель ли он вообще? Сила, которой он владеет, не приносит добра. Это была власть над судьбами — тёмная и жестокая. Милада противилась жуткому учению, много раз пыталась убежать от колдуна, но невидимая верёвка, которой он привязал девочку к себе, держала крепко. Тогда она пыталась притвориться глупой, неспособной усвоить страшные уроки, но и это было напрасно. Ведагор видел её насквозь, безошибочно угадывал её намерения и предупреждал их.

Несколько лет Милада терпела и училась через силу, спустя рукава.

Ведагор учил её слушать птиц, понимать землю, оборачиваться мышью или ящеркой, когда это было нужно для чёрных дел. Показывал приметы, которых она ещё не знала. Милада приметы запоминала, птиц слушала, а вот обращаться мышью или гадиной какой — отказывалась. Они бродили со стариком по свету, по деревням и селениям. Всё видели, за всеми наблюдали. Кому помогали, а кому и портили.

- Вон, смотри, какая семья работающая, и в доме у них порядок, и скотина сытая, и детки ухожены. А у той бабы и муж пьяница, и сама неряха малахольная, дети у них голодные, а коровёнка тощая. Кому помогать будем, как думаешь? — спросил колдун, окидывая деревню зорким взглядом единственного зрячего глаза.
- Конечно, надо помочь бедной женщине да деток её накормить, — ответила Милада, которая всегда жалела больных и обиженных и уже подбирала травы, чтобы вылечить хозяина от запоев, а хозяйку от малокровия.
- К-ха, к-ха, — засмеялся, будто закаркал колдун. — Зачем помогать лодырям? Напрасный труд это, запомни. Ты им корову подправишь, а они всё равно сена на зиму не накосят, амбары зерном не наполнят, да и корову пропьют. А дети с голоду перемерут не в эту зиму, так в следующую.

Наследие колдуня

Он с силой воткнул посох в землю, три раза подпрыгнул, так что полы рубища взлетели к небесам. Потом трижды окрутился вокруг посоха и превратился в огромную мерзкую жабу. Спина её была изрыта кривыми бороздами с застоявшейся слизью, из которой болотными кочками торчали бородавки. Один жабий глаз закрывала беловатая плёнка, под которой колыхалось что-то жидкое, а второй вращался в глазнице, выискивая жертву. Череп на навершии посоха жадно глядел на происходящее пустыми глазницами.

— Смо-отри и учи-сь. Ква-арашо смо-отри, — проквакала жаба и, высунув длинный язык, попрыгала к тощей коровёнке, которая щипала траву за околицей. Почуяв возле себя болотную тварь, корова вскинула рогатую голову и жалобно замычала.

Жаба запрыгала вокруг коровы, ловко уворачиваясь от острых рогов. На зов кормилицы выскочили из кособокой избушки грязные тощие дети. Они подхватили хворостины, намереваясь прогнать обидчицу. Но не тут-то было. Кричали, махали прутиками, а переступить невидимую черту, которую отшлёпали вокруг бурёнки жабьи лапы, ребята не сумели. А жаба подлезла под вымя и присосалась широким ртом к сосцам. Облизывала их жадным языком и громко чмокала толстыми губами.

Корова заревела, будто вымя осокой порезала или пастих кнутом ожёг. Замотала хвостом, чтобы отогнать гадину. Но жаба — не муха, её хвостом не отгонишь. Выпив молоко, опустошив вымя досуха, она не остановилась, принялась высасывать кровь. Глядя на это непотребство, ребята в голос заревели. По щекам Милады текли слёзы бессилия и отчаяния.

Насытившись, жаба отвалилась и зашлёпала к посоху. Ноги у коровы подломились. Она закатила глаза и, последний раз боднув воздух, завалилась в траву. Жаба окрутилась трижды вокруг посоха и снова предстала в обличье Ведагора. Старик сыто рыгнул и, поглаживая живот, изрёк:

— Ну, вот. Коровёнку мы с тобой извели. Скоро сдохнет.
А без молока и эта чумазая мелюзга зачахнет.

Долгих семь лет бродила Милада со старым чародеем по лесам, полям, деревням и весям, долгих семь лет перенимала его чёрное ремесло.

Как-то раз проходили мимо полей. В колыхании ржи Милада увидела, как танцевали, бегая по полю, невидимые для других полевые девицы. Девушки с птичьими телами перепархивали с места на место, укрывали поле лёгкими крылышками — оберегали. Рожь цвела густо, красовалась, обещая дать богатые, налитые колосья. Обрадовалась знахарка. Украдкой, чтобы не видел Ведагор, помахала птичкам рукой. Девичьи личики разулыбались, подёрнулись довольным румянцем.

Но старого колдуна провести не удалось. Милада уже и раньше замечала, что не мог он стерпеть чужую радость, достаток или изобилие.

Вот и теперь, из зависти или другой какой корысти, старик затряс над полем своим сучковатым посохом с черепом на макушке, зашептал над рожью злые слова. И тотчас пропали полевые берегинюшки, а вместо них забегали мелкие полудницы, иссушающие ржаной цвет и обламывающие стебельки. Пакостницы покрупнее — злобные ржаницы — принялись скручивать пучки стеблей, устраивать на поле заломы. За ржаницами проснулись и другие духи: выросла до самого неба житная баба, потопаала толстыми ногами по полю, приминая колосья, втоптывая их в землю. А за ней пустился вдогонку житный дед с тремя головами, которые высовывали три огненных языка, готовые спалить рожь подчистую. Ветер охотно подхватывал знойные струи и разносил дальше по округе.

Милада отвернулась от осквернённого поля, которое уже занималось огнём, закуталась в платок.

— Не надо, бабушка! — взмолилась она. — Погубишь поле — погубишь людей. Перемерут все от лютого

Наследие колдуна

голода! Погаси огонь, пока не поздно. Ведь ты всё можешь!

— К-ха, к-ха, к-ха! — захохотал колдун. — Могу я и правда всё. Только не хочу! Пушай горит. Этого мне и нужно. Пускай все перемрут! Мёртвым хлеба не надобно! Смотри, вон они идут!

Задрожала земля, вспучилась на перекрёстке дорог, за оградой кладбища, вздыбилась в лесу над божедомкой. Проснулись и полезли отовсюду заложные мертвецы, бывшие утопленники, самоубийцы и тати, погубившие тьму народа.

— Смотри, смотри! Вот наша с тобой сила! Вот наша рать, — говорил Ведагор, а его зрячий глаз светился: либо отражал пламя горящего поля, либо горел адским огнём изнутри. Милада съёжилась от страха. Но всё-таки осмелилась спросить:

— А я-то тебе зачем, дедушка? Повелевай сам своим неупокойным войском, коли охота. Меня другое ждёт — хочу живым людям помогать.

— На что тебе эти лживые, неблагодарные людишки! Много они тебе корысти принесли? — рассердился, затопал ногами колдун. — А мы с тобой станем владеть миром!

— А я тебе на что? — повторила вопрос Милада. — Ты и сам хорошо управляешься, — сказала она и тут же отвернулась, чтобы Ведагор не заметил насмешки в её глазах.

— Старый я стал, — помолчав, с горечью сказал колдун. — Видишь — поднял мертвецов, а дальше вести не могу. Силёнки уже не те. Вот если бы ты...

— Нет! — в сердцах крикнула Милада.

Она с удивлением заметила, что и в самом деле поднявшиеся было неупокойные мертвецы враз будто уснули на ходу и побрели, сонные, обратно к своим могилам. Убрались по-тихому, будто их и не было. Развороченная земля

над ними разгладилась и обросла травой, будто никто её сто лет не тревожил.

— Надо мне силу свою тебе передать. Вижу, ты этому не рада, но более подходящей замены найти я не смог. Полмира обошёл, а не нашёл. Нет больше ведуньи, которая сможет удержать дар такой силы, как моя. Только ты одна — моя надежда.

— Давай, дедушка, я тебе лучше глаз полечу. Будешь глядеть обоими — может, иначе мир видеть станешь, — сказала Милада и сама испугалась своей дерзости.

Как прогневаётся колдун, сотворит с ней плохое, на что до сих пор пока не решался. Заколдует на веки вечные! Страшно!

«А с другой стороны, что он может мне сделать?» — задавала себе вопросы Милада. — В камень оборотить или в зверушку какую? Всё лучше, чем бродить с ним по свету, зло людям чинить...»

Колдун не прогневался, а неожиданно согласился.

— Ну давай, полечи. Вылечишь мне глаз — отпущу.

Милада приготовила настой чистотела и череды, выдавила в него три капли чесночного сока и сказала:

— Ложись, дедушка, да приготовься. Немного пощиплет, зато вскорости оздоровеет глаз твой, зрель проснётся, двумя видеть станешь.

Она капала целебное зелье на бельмо и шептала заговор:

— На море, на лукоморье, стоит дуб, на том дубу золотая кора. Под тем дубом лежат три пса. Рябый — лизь, серый — лизь, чёрный — лизь, чтобы у Ведагора зрель открылась.

Заходило ходуном под бельмом око колдуна. Того и гляди выкатится. Но белая плёнка, которая росла на глазу не один десяток лет, держала его крепко. Глаз сидел в ней будто плод в животе беременной бабы.

Наследие колдуня

— А вот мы её сейчас шиповником уколем, чесноком протрём, чистотелом умоем. Окошечку проколем, чистенько умоем, псами заморскими залижем, будет зрель словно новая, — зашептала Милада, целясь в невидящий глаз острым шипом.

Ведагор дёрнулся, в ужасе уставился зрячим глазом на шиповник и закричал громовым голосом:

— Извести меня решила, паскудница! Изыди, прочь от меня!

Милада отошла в сторонку и призадумалась: «А колдун-то шиповника испугался! Отвар чистотела стерпел, едкий чеснок сдюжил, а колючки шиповничьей испугался! Не любит, злодей, острое!»

После этого случая колдун долго глядел на Миладу одноголазым волком, скалился гнилыми зубами, но чинить её горести и увечья не посмел. Видно было, что конец его близок, что спешил он передать свою силу новой колдунье, вот и берёт строптивую девчонку пуще глаза. Старался напичкать её знаниями да уменьями колдовскими. А коль сопротивлялась строптивца, то выходило это не так уж и быстро.

Вот проходили они как-то мимо кладбища.

— Пора тебе, девица, показать, чему научилась. Покажи, как скот будешь портить, — сказал старик и велел разрыть могилку, вытащить из неё кость мертвеца.

Милада руки испачкала, ногти обломала, старалась подольше копаться в могильной земле: авось старик забудется, уснёт, а когда проснётся — не вспомнит о своём наказе. Ан не тут-то было. Глядел и одним зрячим глазом колдун — зорко, наблюдал за каждым движением, не получилось обмануть. Пришлось вырыть косточку, червями обглоданную, завернуть в тряпицу и нести до самой деревни. А там высмотрела Милада двор, навозом заваленный, да и сунула кость под навоз. Знала, что начнёт скот на этом дворе болеть и помирать, жалела его, но ничего поделать не могла. Правда,

украдкой от колдуна, нашептала на косточку по-своему, чтобы заболел скот не до смерти, чтобы встал на ноги на третий день, когда они с чародеем уже далеко отсюда будут.

А то на жену с мужем порчу наводили они с колдуном. Пускали им под избу гадов ползучих, чтобы ненавидели хозяйева друг друга, чтобы поубивали в гневном запале себя и детей своих. Жалела их Милада, пыталась разладить колдовство, вытаскивала змею за хвост из-под крыльца да откидывала в сторону, когда колдун отвернется.

Ещё семь лет бродила Милада со стариком по деревням и всям. И ещё девять раз по семь. Исходили местные земли, бывали и в заморских странах. Повидали людей всяких: рогатых, горбатых, о двух головах, с рыбьим туловом и во все двухвостых; зверьё разное, да чудищ лесных, полевых и морских, деревья и травы диковинные. На кого дивились, кому помогали, кому портили. По-всякому было. Чародей и на чужих землях колдовские приёмы перенимал, в копилку складывал да Миладу учил. Только толку с неё как с козла молока. Не хотела она скверну заморскую перенимать, домой рвалась, в родную деревню.

Всё слабее становился колдун, всё чаще поглядывал на ночное небо, сверялся со звёздами, что-то прикидывал, высчитывал. И только Миладе ничего не делалось: по годам — старуха древняя, а по виду — девка молодая в самом соку. Видно, берёт и лелеял чародей ту, кто должна стать продолжательницей его чёрных дел. Потому и повернул к дому — исполнить её прихоть решил в надежде, что и она всё правильно сделает, когда означенный час придёт. Правда, шёл старик медленно, запыхаясь и останавливаясь. Милада же, словно кобылка молодая, домой галопом неслась, торопила старика, подгоняла. Готова была и суму его тащить. Но старик суму со свитками не давал, кряхтел, да сам нёс, и посоха из рук не выпускал.

